

КУЛЬТУРНЫЕ ЭКСПЛИКАЦИИ „АЛТАРНОЙ СУТРЫ ШЕСТОГО ПАТРИАРХА”

из них должен освободиться сам средствами своей Сущности. Тогда их освобождение будет настоящим» [3, с. 62]. Данность и заданность нормативности традиционного буддизма здесь размывается в силу того, что традиция понимается не как процесс, а как событие, в результате которого «случается» буддизм, появляется буддист. Нормативность здесь «отодвигается» ближе к краю и призвана сохранять, оберегать и поддерживать то, что свершилось, но вполне могло и не свершиться. Хуэйэн использует дискурсивные средства, формулируя основные обеты чань-буддизма, но не как средства достижения цели, а как средства удержания, разъяснения, понимания уже достигнутого. Кроме того, он призывает хранить верность - «искать прибежище» - в традиционной для буддизма «Триратне» (Будда, Дхарма, сангха), однако, и их интерпретация не оставляет сомнения в интроспективности. Хранить «Три Сокровища» для Хуэйэна значит «...искать прибежища в самом себе, в своей Сущности. Если (несведущие – Р.Л.) ищут прибежище в Будде, то знают ли они, где Он? Если они не могут его видеть, как они могут искать в нем прибежище? Не равносильно ли лжи это утверждение (несведущих – Р.Л.)?» [3, с.64].

Таким образом, Хуэйэн предложил своё учение не как религию, не как философию, не как религиозную философию, а **вместо** религии и философии, как универсальную практическую рекомендацию для всех, способных к трансценденции, как уникальное явление стилистически безупречной «массовой эзотерии». Понятно, как и почему место поверженных религии (Добро) и философии (Истина) должно было занять искусство (Красота), понятно, почему привилегированной формой практики чань постепенно становится поэзия, живопись и военно-прикладные виды искусств. Понятно, почему эстетизм современной западной философии так охотно воспринял причудливую, деструктивную, нетрадиционную и ненормативную чаньскую стилистику.

Остается наш вопрос: можно ли быть «на 1/3 дзен», и если можно, то как? Принятие чаньского мировоззрения в качестве одной из составных частей своего можно охарактеризовать как «эпатирующий kitch», направленный в сторону добропорядочных философов, оперирующих абстракциями и оппозициями, «абстрактного мыслителя, дающего мудрые советы и падающего на различия», по характеристике Ж.Делёза [2, с. 190]. Такой мыслитель, по Делёзу, не в состоянии на деле осуществить соединение различий, присущее реальности, он – тот, на чью долю «выпало лишь составление сборников да выпуск тематических номеров журнала» [2, с.190]. Истинный профессионал, по Делёзу, – тот, кто хочет познать самого себя, а для этого стать «немножко алкоголиком, немножко сумасшедшим, немножко самоубийцей, немножко партизаном-террористом...» [2, с. 190] (вот где kitch – монах-вегетарианец и террорист в одном лице!)

Так, в деле «познания самого себя», в своей философской «профессии» я, «новый философ», должен стать средством для себя как цели, а чань становится методом, механизмом, способом созерцания мной меня: «Мы не должны терять надежду, - пишет Ж.Делёз, - что наркотические и алкогольные эффекты (их «откровения») можно будет пережить и открыть для себя на поверхности мира без использования этих веществ, - надо только, чтобы механизмы социального отчуждения, приводящие к их употреблению, превратились в революционное средство исследования» [2, с. 195] – вот вместо чего могут пойти в ход чаньские практики, вот какую пользу, выгоду можно извлечь из 2,5 тысячелетней буддийской традиции. Варвар-браконьер ловит осетра, вынимает икру, а тушу выбрасывает; мудрец-профессионал берет, к примеру, музейные часы, вынимает механизм и вставляет в штампованный корпус. Такое варварство оправдано: для эстетизма как жизненной позиции всё – средство, всё – для меня, и я в том числе. Такому эстетизму, разумеется, трагедийному [8], может противостоять только полнота философского дискурса, метафизически обоснованного и этически ориентированного.

Источники и литература

1. Дзен-Буддизм. Судзуки Д. Основы Дзен-Буддизма. Кацуки С. Практика Дзен / Пер. с англ. – Бишкек, 1993.
2. Делёз Ж. Логика смысла. – М., Академия, 1995.
3. Это единственный текст китайских буддистов, получивший статус сутры. Традиция Южной школы китайского чань-буддизма, идущая от Хуэйэна (638-713), атрибутирует ему авторство текста «Сутры помоста Шестого патриарха» («Алтарной сутры»). Хотя вполне вероятно, что принципиальное изменение облика чань-буддизма не было результатом деятельности личности одного Хуэйэна (см. Дюмулен Г. История дзен-буддизма. Индия и Китай. – Спб., 1994, гл.8.), но история распорядилась оставить нам именно эту легендарную фигуру отца-основателя. Мы будем ссылаться на издание «The Sutra of Hui Neng» Transl.from the Chinese by Wong Mou-Lam. Fourth Edition Revised by Christmas Humphreys. – London, 1966, хотя существуют, вероятно, более удачные переводы этого текста – см. Yampolsky Ph. The Platform Sutra of Sixth Patriarch. – N.-Y.- 1969.
4. Рыскельдиева Л.Т. Ещё одно прочтение буддийского философского текста. «Ланкаватара сутра». Фрагменты. / Symposium: историко-философские интерференции. – Симферополь, 2000.
5. Нагарджуна. Дхарма-санграха. / Андросов В.П. Буддизм Нагарджуны. Религиозно-философские трактаты. – М., Восточная литература, 2000.
6. Андросов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. – М., Восточная литература, 2001. – Гл.10.
7. Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы 1 и 2. Перевод с санскрита, введение, комментарий и реконструкция системы Е.П. Островской и В.И. Рудого. – М.: Ладомир, 1998.
8. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997.

Сидоренко В.М. НАУКА ИСТОРИЯ В ТВОИХ РУКАХ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Везде, хотели бы мы этого или нет, во всех известных человечеству областях знания присутствует наука История, которая предполагает необходимость преемственности накопленного ранее знания, осуществления новых научных открытий.

Но достоверными или ложными сведениями мы располагаем? От этого зависит, в конечном счете, состояние настоящей и будущей мировой науки, постижение истины как таковой. А потому, всегда ли науке необходимо следовать принципу преемственности, использовать накопленное знание в том виде, в каком его сохранила для нас наука История?

Ведь за любым ранее состоявшимся научным открытием, научным фактом обязательно присутствует действие Творца, которое является отражением его мыслей в преломлении обстоятельств, соответствующих тому или иному состоявшемуся научному открытию или зафиксированному научному факту. И вот они-то, эти сокрытые от нас, неведомые нам обстоятельства и определяют весь ход нашего движения к постижению истины, либо ее забвению. В этой связи нелишне напомнить: «наука заканчивается там, где не остается места сомнению». Другими словами, наука История не так уж безобидна, как может показаться на первый взгляд. И если она бессильна вершить судьбы научного знания того времени, в котором находится, то, как ни парадоксально, в этом и заключается ее сила. Ибо, описывая, исследуя не настоящее, а прошлое время – одновременно закладывая (архивируя) информацию на будущее, она способна приспосабливаться к обстоятельствам, увы, не всегда во благо, а и в ущерб истине. Верша тем самым судьбы не только отдельных открытий и наук, но и целых народов, и даже их сообществ. Ведь кому-то было выгодно когда-то славян назвать «варварами» – грубыми, некультурными людьми? На этой проблеме и построим наше дальнейшее рассуждение.

До настоящего времени, как ни странно, в мировой науке остается открытым вопрос о корнях праславянской культуры. Общеизвестно, что базовой основой культуры любого народа является его язык. Вместе с тем загадочно умалчивает о рождении праславянского языка «Повесть временных лет», хотя рассказывает о появлении письма у Западных и Южных славян. В чем причина?

На этот счет бытуют разные точки зрения:

- что единый праславянский язык якобы распался к концу первого тысячелетия от Р.Х. По другим источникам, это произошло на тысячу лет ранее. Но суть не в этом. Возникает вопрос: куда он исчез и при каких обстоятельствах?;
- еще более робко высказывается мнение, что праславянский язык – это язык племен, обитавших до середины I тысячелетия с Р.Х. в местности между северными Карпатами и Днепром;
- еще более робко мировая наука склонна вести разговор о наличии письменности у славян до крещения Руси, якобы из-за отсутствия достаточных для этого сведений.

Понятное дело: нет сведений, нет и науки. Нет языка, письменности – нет и народа, нет и его культуры.

Но так можно считать, следуя закостенелым правилам и традициям лженауки:

- разрушать целое, разделяя его на части во имя сиюминутных выгод;
- не вникать в существо проблем по большому счету, а прятаться в своем «глубокомыслии» за «неопровержимые» фактики во имя меркантильных интересов;
- оправдывать свое бездействие отсутствием научных данных, выражаться наукообразно, навешивая ярлыки не только на товары, но и на научные открытия.

Разве не способны навести нас на размышления ничем не завуалированные вопиющие научные исторические факты:

1. «Повесть временных лет» сохранилась в составе Лаврентьевской летописи 1377 года, частично же по Радзивиловской летописи XV века. Возникает справедливый вопрос: почему текст «Повести...» дошел до потомков только в греко-татаро-литовском варианте. Куда подевался ее подлинник?

2. «Наидревнейшие» памятники славянской словесности «Остромирово Евангелие», «Изборник Святослава», «Слово о полку Игореве», «Русская правда», «Слово о законе и благодати» были открыты и изданы только в XVI–XIX веках. Где они пылились 600–800 лет? А может, это и есть начало разгадки многовековой тайны?

3. Большинство филологов XVIII–XX вв. объявляли основой русского литературного языка церковнославянский язык, пришедший на Русь вместе с принятием христианства. Убедительная аргументация! Но где дальнейшее развитие мысли?

Есть мнение, что литературный письменный язык Киевского государства уходит своими корнями якобы в древнеболгарский язык. Вопрос: а что, до христианизации славяне были немыми? Ведь многие исследователи не столь категоричны в подходах к проблеме образования древнеславянского языка. Например, М.В. Ломоносов в отзыве о работе Шлегера подчеркивал отличие языка «Договоров русских с греками», «Русской правды», других литературных источников от языка церковной литературы [1].

Как видите, концептуальных вопросов не так уже и много. Для научного сомнения достаточно ограничиться, пожалуй, приведенными фактами.

Непонятно только, почему до настоящего времени мировая наука умалчивает более чем очевидный исторический факт – изоэтно продуманную акцию физического уничтожения праславянской культуры?

Современная наука констатирует: «введение христианства в славянских землях положило конце официальному существованию славянской мифологии, сильно разрушив ее высшие уровни, персонажи которых стали рассматриваться как отрицательные, если только не были отождествлены с христианскими святыми»[2]. Дополняют этот обвинительный вывод научные данные о специально разработанных римско-византийских хрониках, присутствующих в скудных локальных сведениях о западнославянской мифологии. Еще более скудными данными, из-за более раннего принятия христианства, располагает наука о южно-славянской мифологии. Кому понадобилось фальсифицировать или уничтожить корни славянской культуры?

Разве появившиеся у восточных славян переведенные Кириллом и Мефодием богослужебные книги с греческого на старославянский фактически не являли собой греко-болгарский суржик? И разве не были заменены в ходе «Просветления» славян (с появлением новой письменности) наидревнейшие коренные славянские слова на более близкие Кириллу и Мефодию – болгарские? Но разговорный фольклорный язык любого народа вечен! Чего не могли учесть "родоначальники" нового славянского языка и письменности, стоящие за Кириллом и Мефодием, оказавшиеся (на всякий случай) в тени истории, как и подобает истинным политикам.

Славянская мифология сохранила персонификацию таких слов, как «доля», «лихо», «правда», «кривда» и многих других, употребляемых как песня во всем славянском мире и ныне [3]. Разве наука История не знает, что предки болгар фракийцы, заселявшие с доисторических времен Балканский полуостров, являли окраину славянского мира, завоеванную, но не покоренную к I веку от Р.Х. Римом; сохранившую родной южный славянский диалект, а ныне язык. Под Римом был и разрушенный на тот момент, но не исчезнувший с лица Земли Киев. Не зря неведомый нам певец – славянский патриот в «Слове о полку Игореве» с иронией вспоминает времена Трояна. Многие столетия в горах, лесах и болотах славяне спасали свой родной язык, его праславянские корни. Кстати новгородские, минские земли тоже были окраиной славянского мира, но завоеванные на I тысячу лет позже и тоже сумевшие сохранить свой родной северный славянский диалект, а ныне русский и белорусский языки.

И украинское казачество тоже не «быдло» (по словам Екатерины), а селившиеся на окраине русской империи вольнолюбивые неприкаянные аборигены славянства, не желающие покидать свои исконные земли и говорящие не на суржике, а на языке своих предков – наиболее совершенном в литературном отношении, языке мировых цивилизаций всех времен. Вспомните послание Запорожских казаков турецкому султану!

И разве непонятны нам причины, почему проповедники христианства в те далекие времена решили лишить варваров славян своего родного коренного языка, письменности, а значит и своей национальной культуры. Ответ более чем прост: охристианившаяся ранее Римская языческая империя и ее преемница Византия для славян желали того же. Но только «грубый», «некультурный» славянский народ оказался менее сговорчивым.

А потому изначально поэтапная христианизация Киевской Руси и предусматривала не утверждение нового единого для славянского народа Бога, а усыпление памяти народной о своем языческом прошлом. То есть письменность Кирилла и Мефодия для славянского народа была светочем христианства, уготовившая незавидную участь славянскому древу культуры, а именно – уничтожение праславянского языка и праславянской письменности. Чтобы язык предков не напоминал славянам о своем языческом прошлом. Потому первозадачей «просветителей» славянства и стало создание нового языка и письменности, дабы переучить славян на свой лад: говорить, читать, писать и думать. Тем самым переродить духовный мир славян, то есть упростить привитие на Киевской Руси новой веры. Естественно, это не мог быть язык качественно новый. Но это был язык весьма и весьма измененный. Упрощало решение этого вопроса отсутствие в языческой Руси книжной письменности и каменного архитектурного зодчества.

А так как болгарский язык был ближе и роднее византийцам болгарского происхождения – Кириллу и Мефодию, то он и стал коренной основой дошедшего до нас древнецерковнославянского языка. Вспомните польскую делегацию русских к грекам времен правления варяга князя Олега (906 г.): Карл Ингелот, Фарлов, Веремид, Рулав, Гуды, Руальд и еще 6 варягов. И ни одного в их числе славянина. А договор писан-то был на греческом и славянском языках! И главное, без участия Кирилла и Мефодия. Но куда, опять же, подевался славянский Киевский подлинник или хотя бы текст договора, переписанный Нестором? Но не только пепел свидетель гибели славянской культуры.

Основной пункт вышеупомянутого договора (не дошедший до нас) – был политический! А именно: о невмешательстве государств во внутреннюю духовную жизнь друг друга. Наука История знает, но почему-то умалчивает, что до варяга Олега Киевом правил славянин Аскольд, ставший на 100 лет раньше князя Владимира христианином, но не сумевший охристианить киевлян, которые и призвали поэтому язычников-варягов в Киев. И походы на Константинополь язычников Игоря, а затем его сына Святослава (после смерти его матери христианки Ольги) тоже предпринимались из-за духовных, а не мародерских соображений. И разве не кощунством было – сжечь, втоптать в грязь славянскую культуру – сокровенное достояние всего человечества. Навесить на славян ярлык «варвар» и закрепить его исторически? Позволявшим в своем доме издревле строительство синагог, церквей, костелов, мечетей, то есть с уважением относящимся к чужим верам.

Вспомним еще один немаловажный исторический факт: когда Н.М. Карамзин в Костроме в Ипатьевском монастыре нашел список летописей 20-х годов XV века, то в нем наряду с «Повестью временных лет» числились Киевская и Галицко-Волынская летописи. Не сложно догадаться, под чьим руководством они были писаны.

В развитии данного суждения напомним читателям о драматической судьбе Золотого слова славянской словесности – уникального образца мировой культуры «Слова о полку Игореве». Как считают многие ученые, «Слова о полку Игореве» было написано примерно в 1187 году. Найдено же оно совершенно случайно, (а может, и не случайно) графом А.И. Мусиным-Пушкиным и утрачено (а может, уничтожено сознательно) в московском пожаре 1812 года. Копия же «Слова...» с утерянного оригинала 1800 года была опубликована лишь в 1864 году. Ученые предполагают, что «рукопись-оригинал» относилась к XVI в., то есть отстояла лет на 300 от времени написания «Слова...» и была списком, имевшим многочисленные погрешности. Возникает вопрос: кому и зачем возжелалось не довести до потомков истинный поэтический подлинник «Слова о полку Игореве»? Ведь поскольку «Слова...» сам его автор называет «Песней» нельзя не поставить вопрос: не из-за переписываний ли «Слова...» оно утратило ритм и рифму? И если это так, то куда девался песенный оригинал? И не на праславянском ли языке, понятном всем славянам, оно было написано?

Даже не углубляясь в содержание «Слова...» в сохранившейся неудачной копии песенного оригинала, в «древнерусском тексте» невозможно не заметить постоянно повторяемых: «ш», «щ», «чи», окончаний на «э», слова «почнем», «творить», «половецкую» и т.д. То есть в «древнерусском» тексте украинизмы явно

превалируют над русизмами. И это после многочисленных переписываний текста.

Нелишним здесь будет привести еще один пример: «Патриаршая, или Никоновская летопись» [4] – есть обширная историографическая компиляция, составленная в первой половине XVI столетия и содержащая множество изменений в первоначальном тексте «Повести временных лет» в духе идеологических и политических требований того времени. Цель – подвести историческую основу под провозглашение Москвы третьим Римом [5]

Не является ли этот факт ключом к разгадке причины находки всех надревнейших памятников славянской словесности в XVIII–XIX веках?

Кому-то выгодно отстаивать северную версию рождения праславянского языка, кому-то – южную, западную или восточную. Но наука История не марионетка политики. Жизнь всего и всегда начинается с ядра! Этот постулат относится и к языкам.

Завершаем статью на оптимистической ноте. Многие ученые склонны предполагать, что процесс консолидации славян закончился к IX – X вв. К этому времени, как они считают, сложилось Киевское государство, которому Олег, по словам летописца, предсказал стать матерью городам русским: «Се буди мати градом руськимъ» [6]. А не бросается ли Вам в глаза, что эта крылатая фраза, дошедшая с давних времен и неоднократно переписываемая византийскими, ново-русскими летописцами и сказанная славянином варяжского происхождения практически написана на праславянском – понятном всем славянам языке?

Вопрос: существовал ли когда-то общеславянский язык? Ответ: «Возможно, и «да!». Но, несомненно, он существует ныне во всей массе славянских языков и диалектов благодаря тому, что когда-то родился единый праславянский язык, на котором говорило и говорит сегодня закалившее себя в борьбе со стихиями природы, животным царством и людьми – первое славянское Днепровское племя.

Не красота и величие доживших до нашего времени творений и не их пепел, а вечно живущая, обыкновенная устная народная речь способна раскрыть перед нами двери в духовный мир любого народа. Если каменные египетские пирамиды – это живые свидетели творения натруженных рук и мрачных деяний мыслей человеческих, то передаваемые из поколения в поколение языки людей свидетельствуют и о светлых днях, как огонь их по жизни несущих, являясь живыми памятниками истинной культуры свободных или в рабстве влачащих свой жребий народов.

Цивилизация – это еще не культура! Вслушайтесь и всмотритесь, люди, в свои языки и лица, языки и лица своих предков. Разве они менее красивы египетских, греческих, римских или китайских? Не из-за ложной ли деликатности к тем, кто написал лжелетопись о жизни наших предков, мы не решаемся восстановить и написать свою историю, в которой и намек не было на варварство – насилие, завоевания, работорговлю. Знамя жизни праславян и нынешних славянских народов – жажда истинной свободы, братства и демократии! Благодаря «авторитетам» древности, возможно такого семени о своих предках насобирать, что и забудется, как себя звать. Неужели человечности Нам и занимать?! Наука История! Пришло время человечеству правду сказать!

Только ты способен вернуть миру по-варварски сокрытую от глаз и мыслей человеческих мифологию и древнюю письменность народов Земли; узаконить корни не только праславянского языка; восстановить чертежи памятников не только деревянного славянского зодчества; возродить не только надревнейшую Днепровскую общеславянскую культуру.

В твоих руках, наука История будущее человечества!

Литература

1. Ломоносов М.В.. Полн. собр. соч. – Т. 7. – М.-Л., 1952. – С. 899.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия и в 2-х томах. – М: Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2.
3. Потехина А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии... 2. Изд. – Харьков, 1914.
4. ПСРЛ. 1 X. – СПб., 1862. – Стб. 57
5. Зимин А.А. Русские летописи и хронология конца XV–XVI вв. – Москва. 1960. – С. 20-21; Кузьмин А.Г. К вопросу о времени создания и редакции Никоновской летописи (Арх. еж 1962 (1963) – С. 114..
6. Полное собрание «Русских летописей». – Т.1. – М., 1962. – С. 23.

Сіренко І.В. Історія походження, ідеї і значення тризуба на Україні

Тризуб (герб) Великого Київського Князя Володимира Святого має в собі щось таке притягаюче, майже чарівне, бо він дійсно зацікавив та притягнув до себе більш ніж 50 учених-дослідників. Думки їх різноманітні. Тризуб – це вершок скіпетра Візантійського скіфського, корона, голуб Святого Духа, корова, якір, генуезьсько-литовський портал, норманський лук, норманський шолом, норманська сокира, норманський ворон, кінець норманського списа, норманський орнамент і т.п. Що ж є правдою в цій різноманітності думок?

Як державний герб України тризуб появився в 1918 р. і відновився в 1991 р. тризуб має свою давню, майже 1000-літню історію. Він вперше з'являється в різних видах в X ст., передусім на найдавніших київських монетах Святого Володимира Великого та його спадкоємців, як також на деяких інших археологічних пам'ятках XI – XIIст.

Протягом останніх 100 років багато учених пробували відгадати походження і значення того знаку.

Всі дотеперішні пояснення тризуба О. Пастернак[1] зібрав в 6 головних груп, що об'єднують однорідні гіпотези. А саме:

1. знак як символ державної влади;
2. знак як церковно-християнська емблема;
3. знак як світсько-військова емблема;
4. знак як геральдично-нумізматична фігура;
5. знак як монограма;